

**ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ
НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН
В КОНТЕКСТЕ КРЕПОСТНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
НА РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ФРОНТИРЕ:
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА**

Никита Дмитриевич Денисенко

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
mongrien.1959@yandex.ru*

Аннотация. Возведение крепостных сооружений на плато Эски-Кермен в юго-западном Крыму является частью политики Византийской империи при династии Юстиниана по укреплению рубежей государства в сложных контактных зонах – подобный взгляд в настоящий момент является общепринятым и подтверждается археологическими открытиями. Однако уникальные черты композиции крепостного ансамбля, вписанного в сложный ландшафт плато, позволяли выдвигать и другие предположения об истории его происхождения. Одной из проблем таких гипотез являлось рассмотрение городских укреплений Эски-Кермена вне историко-археологического контекста. Тем не менее, до сих пор их связь с аналогичными комплексами ранневизантийского фронта рассматривалась лишь поверхностно – решение этой проблемы является необходимым этапом исследований средневекового города на плато Эски-Кермен.

Ключевые слова: оборонительные укрепления, средневековый город, плато Эски-Кермен, Крым, византийский фронтир, городская история

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00076-П «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и новое время», <https://rscf.ru/project/20-18-00076>.

**DEFENSIVE STRUCTURES
ATOP OF THE PLATEAU OF ESKI-KERMEN
IN THE CONTEXT OF FORTIFICATION BUILDING
ON THE EARLY BYZANTINE FRONTIER:
PRESENTATION OF THE QUESTION**

Nikita D. Denisenko

*Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
mongrien.1959@yandex.ru*

Abstract. The construction of fortifications atop of the plateau of Eski-Kermen in the south-western Crimea was a part of the policy of the Byzantine Empire under the Justinian dynasty aimed at the strengthening of the borders of the state in difficult contact zones. Today this conclusion is generally accepted and confirmed by archaeological discoveries. However, the unique features in the layout of the fortress ensemble built into the complex landscape of the plateau allowed the researchers to put forward other hypotheses concerning the history of its origin. Among the problems of such hypotheses was that they observed the urban fortifications of Eski-Kermen outside the historical and archaeological context. Nevertheless, today their connection with similar complexes of the early Byzantine frontier has been considered only superficially. The solution of this problem is a necessary step for the researches of the mediaeval town located on the plateau of Eski-Kermen.

Keywords: fortifications, mediaeval city, Eski-Kermen plateau, Crimea, Byzantine frontier, urban history

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project № 20-18-00076-П *The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period*, <https://rscf.ru/project/20-18-00076>.

Оборонительные укрепления на плато Эски-Кермен в юго-западном Крыму представляют собой сложный раннесредневековый фортификационный комплекс, растянувшийся через обрывы и узкие скальные подъемы более чем на километр. Внутри защищенного периметра на площади 8,5 га располагался город, возникший одновременно с крепостью на рубеже VI–VII вв. Плато Эски-Кермен представляет собой вытянутый с севера на юг скальный останец, протяженностью 1040 м, который довлеет над окружающими горными долинами. Высокие, до 60 м, обрывы в северной части плато переходят в более пологие склоны к югу, где оборудован воротный комплекс и подъездная дорога. Для этого строители крепости вырубili в склоне три марша серпантина колесного пути, который заканчивался погруженным на 3–4 м в глубину скалы проездом на вершину плато. Проезд предположительно перекрывался надвратной башней с двумя выступающими площадками, а сами ворота дополнительно защищены протейхизмой. Невысокие обрывы и подъемы на юго-востоке и западе плато защищались куртинами двухпанцирных крепостных стен, сложенных в позднеримской строительной технике *opus emplectum*. Отличительной особенностью данного фортификационного комплекса является использование в обороне вырубленных подземных сооружений, т.н. пещерных казематов. Они использовались для контроля узких пространств, играли роль сторожевых и складских помещений, а также являлись потернями, связывая между собой разноуровневые участки обороны. Уникальным примером потерни является узкий лестничный коридор северного дозорного комплекса, который через толщу скалы связывал боевой ход крепостной стены с площадкой на вершине скалы. Другим выдающимся сооружением является осадный колодец – гидротехническое сооружение глубиной 30 м, ко дну которого ведут 6 вырубленных лестничных маршей, состоящих из 90 ступеней. Название города и крепости неизвестно – впервые описавший их в 1578 г. польский путешественник Мартин Броневский назвал руины «настолько древними, что ни турки, ни татары, ни сами греки не знают названия их». Описания Эски-Кермена, составленные в XVII–XIX вв., носили в основном спекулятивный характер и нередко мифологизировали происхождение крепости [7, с. 293; 16, с. 18–21]

Основываясь на визуальном анализе памятника, проведенном в первой половине 1920-х гг., Н. Л. Эрнст первым предположил, что оборонительные укрепления на Эски-Кермене возведены византийскими зодчими. К сожалению, не имея возможности произвести археологические раскопки, он практически не видел остатков крепостных стен. Тем не менее, он предположил, что культуру строительства «пещерных городов» занесли в Крым византийцы из Малой Азии, а также увидел сходство с пещерными сооружениями византийской эпохи на Балканах и юге Италии [16, с. 37, 42–43].

В 1928–1935 гг. работами экспедиции ГАИМК под руководством Ф. И. Шмита и Н. И. Репникова открыта большая часть сооружений оборонительной линии на плато Эски-Кермен, прежде всего – подъемная дорога и южный воротный комплекс, и два участка стен на западном и восточном краю плато. Кроме того, зачищены некоторые пещерные сооружения в прилегающих к плато скалах, позже названные «казематами», а в нескольких местах открыта примыкавшая к стенам городская застройка. Уже в 1930 г. Ф. И. Шмит в «Отчетном докладе о работах в Эски-Кермене 1928–1930 гг.» делает несколько важных утверждений о характере памятника. Во-первых, безальтернативно определяет крепость на плато как византийскую, ссылаясь на полученный археологический материал. Во-вторых, предполагает, что в сооружении крепости участвовала строительная артель из Коммагены, ответственная за возведение крепости Рум-Кала на берегу Евфрата. В-третьих, утверждает, что укрепления потеряли оборонительное значение еще в первом тысячелетии – на это указывает культурный слой VII–IX вв. толщиной в 1,2 м над стеной (находки в слое стены он относит к V–VI вв.). Открытие «храмика с тарапаном» на линии крепостной стены позволило считать, что ее разобрали к XII в. В нескольких местах Ф. И. Шмит фиксирует попытки восстановления стен, однако не

приводит каких-либо тому подтверждений¹ [ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 28. Л. 10–13]. В отчётном докладе 1932 г. он предполагает, что укрепления города были разобраны в VIII в. после провала антихазарского восстания, а также помещает их в единую оборонительную систему на линии Инкерман – Эски-Кермен – Мангуп – Сюйрень – Качи-Кальон – Тепе-Кермен – Чуфут-Кале – Бакла, своего рода *limes tauricus* [ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–4].

В том же 1932 г. вышел в свет Готский сборник (*Grim Gotica*), который по большей части был посвящен результатам исследований Эски-Керменской экспедиции и работы Готской группы ГАИМК в целом. Открывала сборник статья В. И. Равдоникаса, в которой он, следуя установленной государством псевдонаучной стадильной теории, подвергает резкой критике выводы Н. Л. Эрнста и определяет Эски-Кермен как город, возведенный по инициативе и силами местных «феодалов» при консультации византийских специалистов [12, с. 32–38]. Этой же позиции придерживается и Н. И. Репников, более того, он переносит центр готской области Дори, описанной Прокопием, с Мангупа на Эски-Кермен [13, с. 135–150]. Несмотря на неоднозначные выводы, работы Н. И. Репникова отличаются детальным описанием открытых комплексов обороны и являются важным источником по изучению крепостных сооружений на плато [7, с. 294–295]. Последовавшие в конце 1930-х – начале 1940-х гг. репрессии против исследователей Готской группы и начавшаяся война прервали научную дискуссию. Позицию В. И. Равдоникаса и Н. И. Репникова оспорил А. Л. Якобсон, считая Эски-Кермен подчеркнуто византийским памятником. Вместе с другими крепостями горного Крыма, он определил Эски-Керменские укрепления частью «длинных стен», описанных в трактате «О постройках» Прокопия Кессарийского [17, с. 223; 18, с. 63].

В 1957 г. опубликована статья Е. В. Веймарна «Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции)», сформировавшая общее представление об обороне этого средневекового города, которое до сих пор не подвергалось значительному пересмотру. Однако в этой же публикации он предложил считать крепостные сооружения на плато местными (тавро-скифскими) по происхождению, вступив в спор как с предшественниками (А. А. Васильевым, Н. И. Репниковым, Ф. И. Шмитом), так и с современниками (А. Л. Якобсоном, М. А. Тихановой) [5, с. 29, 48–53]. Отчасти на это повлияли обстоятельства выхода статьи в свет. Так как этот эпизод важен не только для нашей темы, но и для истории науки, остановимся на нём подробнее².

В 1947 г. Е. В. Веймарн защитил кандидатскую диссертацию по теме «Оборонительные укрепления Эски-Кермена», написанную по материалам Эски-Керменской экспедиции ГАИМК. В том же году он стал научным сотрудником сектора истории и археологии Крымской базы АН СССР. Первая версия будущей публикации под названием «Фортификационные сооружения эпохи раннего средневековья на Эски-Керменском городище (опыт реконструкции)» объемом 4 п.л. была готова тогда же и являлась выжимкой из диссертации [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 13. Л. 38]. Она была представлена 23 февраля 1948 г. на совещании сектора и принята положительно. В ходе ответов на вопросы Е. В. Веймарн подчеркнул важность преемственности местных традиций строительства, а в заключительном слове заметил: *«По совету П. Н. Надинского в работе... будут освещены порочные готские и византийские тенденции в исторической науке о Крыме, и отмечены правильные направления, связывающие памятники этого времени с местным населением»* [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 16. Л. 6–7]. Сложности науки послевоенной эпохи в Крыму были связаны не только с восстановлением региона, но и с идеологическим давлением, усилившимся после депортаций крымских народов (1941 г. – немцев, 1942 г. – итальянцев, 1944 г. – крымских татар, армян, болгар и греков). Поиски новой крымской идентичности возложили, прежде всего, на историков и археологов – они за-

¹ Вполне вероятно, что в данном случае он имеет ввиду стены базилики в центре города.

² Выражаем благодарность заведующему научным архивом ИАК РАН Н. Н. Чемодурову за помощь в поиске данных материалов.

нялись борьбой с «готской теорией» и развитием автохтонных «славянских» гипотез в традициях теории стадиальности. Эти процессы оказали значительное влияние на аналитическую часть работы Е. В. Веймарна.

В ходе первой сессии по истории Крыма, проходившей 20–23 сентября 1948 г., Е. В. Веймарн выступил с докладом «Крепостные сооружения Эски-Кермена», который участники встретили критикой. Основные вопросы были посвящены византийской атрибуции памятника. А. Л. Якобсон предложил рассматривать Эски-Керменские укрепления в широком контексте исаров: «*Будет ли общим суждение, что это памятники Византии, которых так боятся. Да, их строили местные люди, но если бы здесь не было вампира-Византии, то не было бы необходимости строить эти громады. Строительство таких крепостей входило в политические цели Византии. Эта необходимость появилась и при новых кровососах – гунуэцах*». А. Н. Карасёв подытожил: «*Ответы Е. В. Веймарна никого не могут удовлетворить. Необходимо установить, кто же строил крепость...*» [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 5. Л. 116–117]. По результатам сессии к печати был подготовлен сборник трудов, в который вошла и статья Е. В. Веймарна [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 32. Л. 3]. Она была представлена на рецензию доктору архитектуры Н. Б. Бакланову, однако сама рецензия неизвестна [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 10. Л. 5].

Сборник трудов первой сессии по истории Крыма пролежал на полке до 1951 г. На это повлияли и новые политические обстоятельства – выход статьи И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», обозначившей идеологический отказ от теории стадиальности. В связи с этим было принято решение отправить сборник на «дополнительную доработку» [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 32. Л. 19]. Статья Е. В. Веймарна была отдана на рецензию доктору исторических наук А. П. Смирнову. Касаемо рассматриваемой темы он дал такую оценку: «*Автор прав, отмечая ошибочность в трактовке готского и византийского вопросов во многих исторических работах. Однако нельзя согласиться с той упрощенной и поверхностной постановкой проблемы какая дана в статье. После выхода в свет работы товарища Сталина... нельзя расценивать положительно труд В. И. Равдоникаса... написанный на основе нового учения о языке акад. Н. Я. Марра. Нет никаких оснований эту глубоко порочную работу называть «интересной, интереснейшей»³ ... Отбрасывая мнения о наличии готов в Крыму и необоснованно заявляя: «Мы считаем, что с готским вопросом необходимо раз и навсегда покончить. Раз нет в Крыму памятников материальной культуры и следов языка, которые можно отнести к готам, значит таковых в Крыму, как народа – никогда и не было», автор никак не оценил ни свидетельств Рубрика, ни авторов XVI в., отметивших среди многих языков Крыма готский... Точно также поверхностно дана критика положений, связанных с ролью Византии в Крыму*». А. П. Смирнов не разделил резкую критику предыдущих поколений исследователей, но поддержал борьбу автора с «преувеличением роли Византии в культурной жизни Тавриды» [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 32. Л. 85-87]. В этой связи необходимо отметить, что «борьба с лженаучной немецко-фашистской теорией о господстве готов в Крыму и против византийской теории» обозначена в аннотации научной (плановой) темы Е. В. Веймарна [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 28. Л. 18]. Рукопись статьи от 1948 г. хранится в Научном архиве ИАК РАН. Широкое вступление в ней посвящено «развенчанию» византийского мифа и осуждению А. Л. Якобсона за «слепое преклонение перед Византией». Е. В. Веймарн отвергает представление об Эски-Кермене как о византийском городе и на этом строит работу [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 1. Д. 13. Л. 5–16].

Труды первой сессии по истории Крыма так и не вышли. Скорее всего, статья Е. В. Веймарна готовилась к публикации в выпуске № 34 «Материалов исследований

³ Критике работы В. И. Равдоникаса также уделено значительное внимание в докладе П. Н. Шульца на сессии, посвященной 30-летию установления советской власти в Крыму (1950 г.) [НА ИАК РАН. Ф. Р-2. О. 2. Д. 22. Л. 18].

по археологии СССР» (1953 г.), который был посвящен юго-западному Крыму, однако по какой-то причине она в него не вошла [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 3. Д. 4. Л. 14; 7, с. 4]. В 1956 г. началась подготовка к изданию сборника статей «История и археология средневекового Крыма», в котором многострадальную работу поместили в начало выпуска. Е. В. Веймарн значительным образом переписал аналитическую часть статьи, отказавшись от политизированных утверждений и «риторики борьбы», однако не отошел от позиций «автохтонной» теории возникновения Эски-Керменских укреплений, продолжая развивать гипотезу таврского происхождения строительных техник. Эти утверждения ожидаемо подверглись критике в рецензиях. А. П. Смирнов, который несколько лет назад поддержал взгляды Е. В. Веймарна, на этот раз предложил *«несколько смягчить категоричность утверждения о местном происхождении пещерных городов и усилить освещение существующих связей с Византией и Херсонесом. Эти связи были, не они определили постройку городов, но, по-видимому, византийцы принимали участие в этом мероприятии»* [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 17]. Доктор исторических наук М. И. Максимова отмечает, что в статье *«имеются исторические выводы, вызывающие возражения. Рецензируемая статья грешит ложным пониманием самобытности Крыма, проявляющейся, например, в неправильной оценке якобы специфических таврских приёмов»* [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 25]. К отзыву М. И. Максимовой приложена неподписанная рецензия, которая, скорее всего, также принадлежит её авторству. В ней она несколько раз возвращается к поднятой проблеме, например, называет теорию о местном происхождении системы кладки *«глубоким заблуждением автора, основанным по-видимому, на недостаточном знакомстве с историей античной строительной техники»*. По её мнению, *«указанная техника стеностроительства была широко распространена в Средиземноморских и Причерноморских областях еще в античности (в Сирии, М. Азии и т.д.), её описывает еще Витрувий»*. М. И. Максимова считает, что она имеет весьма отдаленное сходство с кладкой таврских убежищ, обращая внимание на аналогичные стены Херсонеса. *«Нам представляется, что все рассуждения Е. В. Веймарна ... страдают чрезмерным увлечением автохтонностью»* [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 32]. Также М. И. Максимова обращает внимание, что Е. В. Веймарн пытается изолировать Херсонес от юго-западного Крыма, который отдаёт «местным феодалам», но подобное строительство, по её мнению, требует существования определенного сильного государственного образования, которым может быть только Византия, кроме того, она относит Эски-Кермен к ближайшим крепостям Херсонеса, указанным в «Воине с готами» Прокопия Кессарийского. *«Сколько ни отрицательна была роль Византии в истории Крыма, все же отмахиваться от фактов нельзя. Факты таковы, что Таврика в эпоху гуннского нашествия имела для всей византийской политики взаимоотношений со степняками громадное значение и нет ни малейших оснований сомневаться, что в конце V и в VI вв. Византия в Таврике и прежде всего в прибрежных районах, а также в ю.з. нагорье стремилась к господству и в действительности была господствующей силой. Для опровержения этого факта нужны новые материалы, но их у автора нет»* [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 28–29]. К этому мнению в своей рецензии присоединяется М. А. Тиханова. Она называет «таврскую» гипотезу Е. В. Веймарна *«теорией гипертрофированного автохтонизма, покоящейся на порочной теории стадильности»* и утверждает, что элементы оборонительной системы Эски-Кермена характерны для Херсонеса, раннесредневековой Византии и укреплений Средиземноморья поздней античности – VII–VIII вв. (к местным особенностям можно отнести только пещерные комплексы и боевые площадки) [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 57]. Согласно отзыву А. П. Смирнова, Е. В. Веймарн смягчил категоричность своих утверждений после рецензии М. А. Тихановой [НА ИАК РАН. Ф. 3. О. 7. Д. 10. Л. 20]. Несмотря на это, «таврская» гипотеза всё равно заняла важное место в итоговой статье, хотя и не получила поддержки в научном сообществе. На протяжении следующих тридцати лет Эски-Кермен рассматривался только в контексте других византийских крепостей юго-западного Крыма.

Интерес к атрибуции памятника вновь появляется в исследованиях конца XX – начала XXI в. А. Г. Герцен в своей типологии относит существование Эски-Керменских укреплений к «догородскому» и «раннегородскому» периодам (VI–XIII вв.) и определяет их как византийские, кроме того, выдвигает предположение, что крепость перестраивалась в IX в. [6, с. 85–86]. А. И. Айбабин на основе нового археологического материала уточнил хронологические этапы существования города и его укреплений и поставил под сомнение теорию об основании крепости при Юстиниане I, перешагнув тем самым многолетний научный спор о месте Эски-Кермена в сообщениях Прокопия [1, с. 44–48]. Это предположение подтвердилось археологическими исследованиями восточной стены города в 2005–2008 гг., находки из слоя которой позволили датировать возведение Эски-Керменских укреплений концом VI – началом VII в., т.е. правлением императора Маврикия (582–602 гг.). Кроме того, новые открытия конструктивных особенностей возведения данной стены позволили опровергнуть гипотезу Е. В. Веймарна о «таврских» строительных приёмах [2, с. 132–136].

Таким образом, к настоящему моменту утвердилось мнение о возведении оборонительных укреплений на плато Эски-Кермен в рамках целенаправленной политики Византии по укреплению рубежей, расширившихся при правлении Юстиниана и его наследников.

Оборона границ Восточной Римской (Византийской) империи в это время играла ключевую роль в государственной политике. Вследствие обострившихся отношений с гуннскими племенами в Северном Причерноморье, император Юстиниан (527–565 гг.) укрепляет Херсонес и возводит в Крыму новые крепости – Алустон (Алушта) и Горзувиты (Гурзуф), как следует из трактата «О постройках» Прокопия Кессарийского, и подчиняет Боспор (534 г.). Новой угрозой в регионе стал Тюркский каганат, в последней четверти VI в. распространивший своё влияние на северо-восточное приграничье Византии. Вполне возможно, что строительство крепости на плато Эски-Кермен было частью ответной политики укрепления границ при императоре Маврикии (582–602 гг.). Если предположить, что это действительно так, то крепостные сооружения со сходными чертами необходимо искать на других участках византийского фронта – прежде всего в Подунавье, где императоры юстиниановской династии укрепляли границу от авар и славян, а также в пределах созданного для удержания итальянских владений Равенского экзархата, Африканского экзархата и на подвижной восточной границе империи. Как следует из сообщений Прокопия и Агафия, а также из двух военных трактатов начала VII в. – анонимной Стратегики и Стратегикона Маврикия (или Псевдо-Маврикия), Византия стремилась не использовать крупные силы в открытом бою, сосредотачиваясь на возведении и обороне укреплений, которые также служили укрытием для местного населения [22, р. 1–3].

Ранневизантийская система обороны диоцезов Фракия и Дакия строилась на базе крепостей римского лимеса, от которых она унаследовала мощные крепостные стены и прямоугольные или веерообразные башни – данный тип оборонительных сооружений имеет мало общего с укреплениями на плато Эски-Кермен. Значительная часть крепостных стен VI в. здесь построена в технике *opus mixtum* (поочередном использовании кирпичей и каменных блоков в кладке). Тем не менее, все подобные сооружения были дополнены византийским нововведением – протейхизмой и периболом, которые играют важную роль в обороне южного воротного и северного дозорного комплексов Эски-Кермена. Новые крепости возводились в основном на Балканском лимесе для контроля горных проходов (к таким относятся Проватон, Шумены, Петрич-Кале, Тырново-Царевец, Девинград, Красен) [11, с. 19; 25, р. 4–7; 24, р. 54]. Место под их основание выбиралось с учетом высокой контактности приграничных территорий, поэтому чаще всего такие укрепления сооружались на неудобных, но хорошо защищенных скалах или выдающихся мысах, перерезающих русла рек (данный подход применялся повсеместно, похожие крепости встречаются, например, в Анатолии [29, р. 213–221]). Площадь внутри таких

оборонительных линий зачастую была небольшой и не имела источников воды, тем не менее почти всегда внутри таких сооружений возникали поселения. Всё это справедливо и для Эски-Кермена, который имеет с ними структурное сходство. Например, у крепости Проватон (Овеч) у г. Провадия (Болгария) похожим образом организован восточный комплекс с вырубленным в скале проездом, скальные лестничные переходы, соединяющие узлы обороны, на восточном краю крепости имеются вырубленные ниши, напоминающие сооружения у восточной калитки оборонительных укреплений на плато Эски-Кермен [11, с. 30]. Глубокие искусственные колодцы, цистерны и резервуары для сбора дождевой воды являются неотъемлемой частью ранних византийских крепостей, расположенных на вершинах скал (Проватон, Петрич-кале и др.). В ряде поселений городского типа к крепостным сооружениям примыкают зернохранилища, по форме напоминающие зерновые ямы Эски-Кермена и Баклы, где они также располагались вплотную к линии обороны (на Эски-Кермене известно как минимум три таких комплекса – первый, самый крупный, расположен прямо над восточной калиткой, второй – у «каземата № 1» южного воротного комплекса, а третий вытянулся по краю скалы возле западной крепостной стены). В крепостях Мезии данные сооружения встречаются как внутри городских стен, так и перед ними, нередко они располагаются внутри башен (как и цистерны для сбора воды). На Балканском лимесе часто встречаются кладки крепостных стен, построенных в технике *opus emplectum* с применением крупных квадратов, как на Эски-Кермене (например, в стенах Девинграда), данная техника превалирует также и в крепостях Северной Африки [11, с. 64]. Её популярность объясняется простотой и скоростью возведения при высокой эффективности против стенобитных и камнеметательных орудий. Ширина куртин ранневизантийских укреплений Балканского лимеса колеблется от 1 до 4 м, чаще всего в диапазоне 1,5–2 м. Относительно небольшая высота при такой толщине объясняется сооружением стен около обрывов и крутых склонов. При этом боевой ход таких стен обычно имел деревянное расширение с тыльной стороны, некоторые исследователи предполагают наличие крытых галерей, подобных тем, что встречаются на крепостях африканского лимеса. Ворота защищались выступающими башнями, чаще всего U-образной формы. Для большего контроля, внутренняя сторона ворот иногда представляла собой пропунгакулум. На то, что Эски-Керменские надвратные укрепления необходимо реконструировать именно как пропунгакулум, указывал В. П. Кирилко [9, с. 284]. Всего по оценкам исследователей на территории диоцезов Фракия и Дакия в исследуемый период византийская администрация возвела не менее 116 укреплений [23, р. 479–480]. Множество крепостей небольшой площади на вершинах крутых холмов и скал встречаются в Далмации [30, р. 563; 4, с. 139–145]. В Сербии изучение таких памятников началось относительно недавно (Царичин Град, Елица-Градина, Маскаре-Бедем, Брангович-Еринин Град), но уже сделаны важные шаги – например, исследована эволюция боковых ворот этих крепостей, роль и значение которых в линии укреплений Эски-Кермена неоднозначны [28, р. 187–189]. На территории Эпира зафиксированы не менее 33 ранневизантийских укреплений, преимущественно возведенных в труднодоступных местах. Среди особенностей некоторых из них – встроенные в естественный ландшафт линии стен и подъездные дороги в несколько маршей [20, р. 238–240].

В Италии византийцы воспользовались не только позднеантичными укреплениями, но и остготскими крепостями, которые массово возводились при Теодорихе и прежде всего служили «хорошо охраняемыми зернохранилищами» [22, р. 29–30]. Линия византийской обороны от лангобардов была несколько отодвинута за естественную дугу Апеннинских гор, где перестроенные римские «кастеллари» и укрепления в естественно защищенных местах использовались для предотвращения проникновения в долины и, таким образом, вглубь фортификационной сети [22, р. 39]. Из-за подвижности границ и использования римского наследия как византийцами, так и остготами и лангобардами, археологи сталкиваются с трудностями при атрибуции памятников. Тем не менее, в Италии имеется целый ряд раннесредневековых поселений, занимавших вершины скал-

останцев и обладавших схожими с Эски-Керменскими укреплениями чертами – незамкнутой линией стен и пещерными сооружениями, в том числе глубокими колодцами с лестничными маршами (например, в Орвиетто).

В последние годы активизировалось исследование пещерных оборонительных и церковных сооружений в Каппадокии. Новые открытия в подобных комплексах позволили датировать многие из них V–VII вв., что хронологически соотносится с возведением крепости на Эски-Кермене [26, р. 55]. Пещерные сооружения встречаются в крепостях юго-восточного Причерноморья [30, р. 30]. Ранневизантийская крепость на крутом холме Кале-Тепе в Северной Лидии практически не имела башен – исследователи считают, что в них не было необходимости ввиду расположения укреплений на большой высоте [31, р. 375–377]. Оборонительные стены Эски-Кермена также не имеют башен, однако их роль обычно отводится пещерным «казематам», вырубленным в примыкающих к краю плато скалах. Ранневизантийские стены Амория в Фригии конструктивно схожи с Эски-Керменскими, сложены из крупных квадров и поставлены прямо на скальную поверхность [32, р. 199–202].

Суммируя вышесказанное, можно говорить о широком контексте ранневизантийских памятников, имеющих комплексы, аналогичные оборонительным укреплениям на плато Эски-Кермен. В статье намерено не приводились хорошо известные крупные укрепления городского типа, за рамками исследования остались многочисленные памятники других регионов империи. Оборонительная система Эски-Кермена представляет собой уникальный пример византийского инженерного искусства, однако отдельные его комплексы имеют много общего с традициями крепостного строительства V–VII вв. Их рассмотрение в контексте возможно только при полноценном анализе каждого такого комплекса. Анализу топографии и сравнительным исследованиям юго-восточной линии укреплений, северного дозорного комплекса, западных крепостных сооружений и южного воротного комплекса будут посвящены дальнейшие публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермена // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51, 236–242.
2. Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 129–150.
3. Айбабин А.И. Укрепления ранневизантийской крепости на плато Эски-Кермен // IV Свято-Владимирские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси / ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: Ариал, 2023. С. 6–13.
4. Бугарски И.Р., Додић С.Д., Здравковић В.М. Касноантичка и рановизантијска утврђења у левачком крају // САОПШТЕЊА. 2021. LIII. С. 135–162.
5. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–54.
6. Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым. С. 85–90.
7. Денисенко Н.Д. История исследований средневековых оборонительных сооружений на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 292–304.
8. Динчев В. Ранновизантийские крепости в Болгария и соседние земли (в диоцезите Thracia и Dacia). София: АИМ-БАН, 2006. 140 с. (Разкопки и проучвания. Кн. 35).
9. Кирилко В.П. Надвратные башни укреплений юго-западной Таврики (XIV–XV вв.) // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 283–308.
10. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп) / Отв. ред. Е.Ч. Скржинская. М., 1953. 436 с. (МИА. № 34).
11. Овчаров Д. Византийски и български крепости, V–X век. София, 1982. 171 с.
12. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и Готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 5–106.
13. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 107–152.
14. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 181–212.
15. Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии: в 4-х т. Сухуми, 1975. Т. 4. 257 с.
16. Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 15–43.
17. Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. VI. С. 205–226.
18. Якобсон А.Л. О раннесредневековых стенах Мангупа // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 55–63.
19. Böhlendorf-Arslan B. Behind the Walls and in the Countryside. Reconstructing Byzantine Settlements and Their Environments in Anatolia: The Case of the Southern Troad // Space and Communities in Byzantine Anatolia. Papers From the Fifth International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium / Eds. N.D. Kontogiannis, B.T. Uyar. 2021. P. 73–93.
20. Bowden W. A Window on an Uncertain World: Butrint and the Fortified Sites of Epirus in the 7th–9th Centuries AD // Fortified settlements in early medieval Europe: defended communities of the 8th–10th centuries. Oxford, Philadelphia, 2016. P. 235–247.
21. Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of The Pontos. Vol. 1. Washington, D.C., 1985. 398 p. (Dumbarton Oaks Studies. XX).
22. Christie N. Settlement and Defense of Byzantine and Longobard Northern and Central Italy. PhD Thesis. University of Newcastle, 1985. Vol. I. 375 p.
23. Dintchev V. The Fortresses of Thrace and Dacia in the Early Byzantine Period // The Transition to Late Antiquity on the Danube and Beyond / ed. A.G. Poulter. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 479–546.
24. Dintchev V. Zikideva – an example of Early Byzantine urbanism in the Balkans // Archaeologia Bulgarica. 1997. No. 1/3. P. 54–77.
25. Grigorov V. The Byzantine Fortress “Krasen” Near Panagyurishte // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter / Hrsg. F. Daim, J. Drauschke. Mainz: Verlag des RGZM, 2010. Teil 2.2. S. 1–28.
26. Jolivet-Lévy C. Byzantine Settlements and Monuments of Cappadocia: A Historiographic Review // Eastern Christian Art. 2012–2013. Vol. 9. P. 53–62.
27. Mamuladze Sh., Kakhidze E. Roman and Byzantine Forts Survey in The South Eastern Black Sea Area // Pro Georgia. 2016. T. 26. P. 29–51.
28. Milinković M. Archäologische Notizen zu fortifikatorischen Lösungen bei frühbyzantinischen befestigten Anlagen in Serbien // Arheološki vestnik. 2015. Vol. 66. P. 173–203.
29. Niewöhner P., Vardar A. Churches, Caves, and Fortifications in the Upper Siberis/Kirmir River Valley. On the Byzantine Settlement Archaeology of Rural Galata, Central Anatolia. With an Appendix on a Roman Statue for Oragon, Tetrarch of the Tolistobogii by Stephen Mitchell and Levent Egemen Vardar

// Istanbuler Mielungen. 2022. Bd. 72. P. 195–233.

30. Spehar P. Late Antique and Early Byzantine fortifications in Bosnia and Herzegovina (hinterland of the province of Dalmatia) // *Höhensiedlungen zwischen Antike und Mittelalter von den Ardennen bis zur Adria* / Hrsg. H. Steuer, V. Bierbrauer, De Gruyter, 2008. P. 559–594.
31. Tok E. Kharakipolis: A Byzantine Settlement and a Fortress in Northern Lydia // *ANODOS: Studies of the Ancient World*. 2008. No. 8. P. 375–384.
32. Tsivikis N. Amorium and the Ever-Changing Urban Space: From Early Byzantine Provincial City to Middle Byzantine Provincial Capital // *Space and Communities in Byzantine Anatolia. Papers From the Fifth International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium* / Eds. N.D. Kontogiannis, B.T. Uyar. 2021. P. 191–215.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The Main Stages in the History of the Town Site at Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 43–51, 236–242.
2. Aibabin A.I. Problems on Chronology of Byzantine Fortress on Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 129–150.
3. Aibabin A.I. Fortifications of the early Byzantine fortress on the Eski-Kermen plateau. V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Iu. Iashaeva (eds.), *IV Sviato-Vladimirskie chteniia: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 1035-letiiu Kreshcheniia Rusi* [4th St. Vladimir's readings. Materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 1035th anniversary of the Baptism of Rus'], Simferopol, Ariel Publ., 2023, pp. 6–13.
4. Bugarski I.R., Dodić S.D., Zdravković V.M. Late antique and early Byzantine fortifications in the Levac area. *SAOPSHTEŃA* [COMMUNICATIONS], 2021, LIII, pp. 135–162.
5. Veimarn E.V. Defensive structures of Eski-Kermen (Reconstruction experience). *Istoriia i arkheologiiia srednevekovogo Kryma* [History and Archaeology of Medieval Crimea], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, pp. 7–54.
6. Gersten A.G. On the problem of the typology of medieval settlements in South-Western Taurica. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1995, vol. 27, pp. 85–90.
7. Denisenko N.D. Research history of mediaeval town fortifications atop of the plateau of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2023, vol. 28, pp. 292–304.
8. Dinchev V. *Rannovizantiiskite kreposti v B'lgariia i s'sednite zemi (v diotsezite Thracia i Dacia)* [Early Byzantine fortresses in Bulgaria and neighboring lands (in the dioceses Thracia and Dacia)]. Sofia, 2006, 140 p. (Razkopki i prouchvania [Excavations and surveys], 35).
9. Kirilko V.P. Gate towers of the fortifications of southwestern Taurica (14th–15th centuries). *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 283–308.
10. *Materialy po arkheologii yugo-zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup)* [Materials on the archeology of the South-West Crimea (Chersonesos, Mangup)]. Ed. E.Ch. Skrzhinskaya, Moscow, 1953, 436 p. (Materials and research on the archeology of the USSR, vol. 34).
11. Ovcharov D. *Vizantiyski i blgarski kreposti* [Byzantine and Bulgarian fortresses, V–X century], Sofia, 1982, 171 p.
12. Ravdonikas V.I. Cave cities of Crimea and the Gothic problem in connection with the stage-by-stage development of the Northern Black Sea region. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 5–106.
13. Repnikov N.I. Eski-Kermen in the light of archaeological explorations of 1928–1929. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 107–152.
14. Repnikov N.I. Remains of the fortifications of Eski-Kermen. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 181–212.
15. Trapsh M. M. *Materialy po arkheologii srednevekovoi Abkhazii: v 4-kh t.* [Materials on the archeology of medieval Abkhazia: in four volumes]. Sukhumi, 1975, vol. 4, 257 p.
16. Ernst N.L. Eski-Kermen and cave cities of Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography], 1929, vol. 3, pp. 15–43.
17. Iakobson A.L. From the history of medieval architecture in Crimea. 2. Mangup Basilica. *Sovetskaia arkheologiiia* [Soviet Archaeology], 1940, VI, pp. 205–226.
18. Iakobson A.L. About the early medieval walls of Mangup. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materi-*

- al'noi kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1949, vol. 29, pp. 55–63.
19. Böhlendorf-Arslan B. Behind the Walls and in the Countryside. Reconstructing Byzantine Settlements and Their Environments in Anatolia: The Case of the Southern Troad. N.D. Kontogiannis, B.T. Uyar (eds.), *Space and Communities in Byzantine Anatolia. Papers From the Fifth International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium*, 2021, pp. 73–93.
 20. Bowden W. A Window on an Uncertain World: Butrint and the Fortified Sites of Epirus in the 7th–9th Centuries AD. *Fortified settlements in early medieval Europe: defended communities of the 8th–10th centuries*, Oxford, Philadelphia, 2016, pp. 235–247.
 21. Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments and Topography of The Pontos*. Vol. 1. Washington, D.C., 1985, 398 p. (Dumbarton Oaks Studies. XX).
 22. Christie N. *Settlement and Defense of Byzantine and Longobard Northern and Central Italy*. PhD Thesis. University of Newcastle, 1985, vol. I, 375 p.
 23. Dintchev V. The Fortresses of Trace and Dacia in the Early Byzantine Period. A.G. Poulter (ed.), *The Transition to Late Antiquity on the Danube and Beyond*. Oxford University Press, 2007, pp. 479–546.
 24. Dintchev V. Zikideva – an example of Early Byzantine urbanism in the Balkans. *Archaeologia Bulgarica*, 1997, no. 1/3, pp. 54–77.
 25. Grigorov V. The Byzantine Fortress “Krasen” Near Panagyurishte. F. Daim. J. Drauschke (Hrsg.), *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter*. Mainz, Verlag des RGZM, 2010, Teil 2.2, pp. 1–28.
 26. Jolivet-Lévy C. Byzantine Settlements and Monuments of Cappadocia: A Historiographic Review. *Eastern Christian Art*, 2012–2013, vol. 9, pp. 53–62.
 27. Mamuladze Sh., Kakhidze E. Roman and Byzantine Forts Survey in The South Eastern Black Sea Area. *Pro Georgia*, 2016, T. 26, pp. 29–51.
 28. Milinković M. Archäologische Notizen zu fortifikatorischen Lösungen bei frühbyzantinischen befestigten Anlagen in Serbien. *Arheološki vestnik*, 2015, vol. 66, pp. 173–203.
 29. Niewöhner P., Vardar A. Churches, Caves, and Fortifications in the Upper Siberis/Kirmir River Valley. On the Byzantine Settlement Archaeology of Rural Galata, Central Anatolia. With an Appendix on a Roman Statue for Oragon, Tetrarch of the Tolistobogii by Stephen Mitchell and Levent Egemen Vardar. *Istanbulier Mitteilungen*, 2022, Bd. 72, pp. 195–233.
 30. Spehar P. Late Antique and Early Byzantine fortifications in Bosnia and Herzegovina (hinterland of the province of Dalmatia). H. Steuer, V. Bierbrauer (Hrsg.), *Höhensiedlungen zwischen Antike und Mittelalter von den Ardennen bis zur Adria*. De Gruyter, 2008, pp. 559–594.
 31. Tok E. Kharakipolis: A Byzantine Settlement and a Fortress in Northern Lydia. *ANODOS: Studies of the Ancient World*, 2008, no. 8, pp. 375–384.
 32. Tsivikis N. Amorium and the Ever-Changing Urban Space: From Early Byzantine Provincial City to Middle Byzantine Provincial Capital. N.D. Kontogiannis, B.T. Uyar (eds.), *Space and Communities in Byzantine Anatolia. Papers From the Fifth International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium*, 2021, pp. 191–215.

Информация об авторе

Денисенко Н. Д. – младший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, AuthorID: 1174790.

Author information

Denisenko N. D. – Junior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS.